

Василий Брусянин

За покойником

Ни живые – ни мёртвые

Василий Брусянин

За покойником

«Public Domain»

1904

Брусянин В. В.

За покойником / В. В. Брусянин — «Public Domain»,
1904 — (Ни живые – ни мёртвые)

«Скучный день. Небо завешено тяжёлыми серыми тучами. Моросит дождь. Холодно и сыро. Серые, неприветливые улицы; раздражённые, невесёлые люди... У светло-коричневого пятиэтажного дома на Литейной стоят тёмные погребальные дроги, запряжённые парой лошадей в тёмных пополах. Люди в чёрных длинных балахонах и в чёрных же цилиндрах толпятся около печальной колесницы. На козлах, съёжившись от холода и непогоды, сидит хмурый возница и угрюмо посматривает на грязную и сырую мостовую. Две тёмные фигуры стоят под навесом подъезда и о чём-то беседуют. Их смеющиеся лица, громкий говор как-то странно не гармонируют с трауром их одежды. Молодой бритый факельщик, сдвинув цилиндр на затылок, рассказывает что-то своему товарищу с рыженькой бородкой, часто припадая к его уху и сообщая что-то, очевидно, пикантное, – и тот смеётся и прищёлкивает языком...»

© Брусянин В. В., 1904

© Public Domain, 1904

Василий Брусянин За покойником

Скучный день. Небо завешено тяжёлыми серыми тучами. Моросит дождь. Холодно и сыро. Серые, неприветливые улицы; раздражённые, невесёлые люди...

У светло-коричневого пятиэтажного дома на Литейной стоят тёмные погребальные дроги, запряжённые парой лошадей в тёмных попонах. Люди в чёрных длинных балахонах и в чёрных же цилиндрах толпятся около печальной колесницы. На козлах, съёжившись от холода и непогоды, сидит хмурый возница и угрюмо посматривает на грязную и сырую мостовую. Две тёмные фигуры стоят под навесом подъезда и о чём-то беседуют. Их смеющиеся лица, громкий говор как-то странно не гармонируют с трауром их одежды. Молодой бритый факельщик, сдвинув цилиндр на затылок, рассказывает что-то своему товарищу с рыженькой бородкой, часто припадая к его уху и сообщая что-то, очевидно, пикантное, – и тот смеётся и прищёлкивает языком.

Из ворот, скрестив на животе руки, вышел старик с жёлтым морщинистым лицом, с большими седыми усами и с узенькими подслеповатыми глазками. Приподняв воротник балахона и сдвинув на лоб цилиндр, шёл он медленно, свесив голову на грудь.

– Что, Капустин, нос повесил? Верно, прозяб? – спросил старика факельщик с рыженькой бородкой.

Старик поднял лицо, пожал плечами и после паузы ответил:

– А то и нос повесил, что Сергея Николаича Истомина хоронить поедем!

– А каков таков этот Истомин?..

– А таков вот: штабс-ротмистр в отставке. Большой барин был...

– Знавал ты его?

– Ещё бы! Служил у него когда-то в лакеях... В этом самом доме мы и жили.

Старик отошёл от факельщиков, которые снова принялись смеяться, прошёлся по панели до подъезда следующего дома, повернул назад и, опустив голову, тихо прошёл мимо товарищей, весёлая беседа которых почему-то не нравилась ему. Отойдя немного от подъезда, он остановился у тумбы и задумался.

«Этакое дело! Вот тут и узнай, кого придётся хоронить», – размышлял он.

Капустин поднял голову и подошёл к соседнему подъезду. Он знал этот подъезд с тонкими чугунными колонками, поддерживавшими широкий железный навес; знал он и входную дверь, с медной дощечкой какого-то врача. За дверью была площадка с зеркальцем и столиком, а дальше шла широкая лестница с резными перилами. На втором этаже по этой лестнице, налево, жил когда-то Сергей Николаевич Истомин.

Дверь отворилась, и на подъезде появился швейцар, высокий, стройный, с белобрысыми усами и с рыжими ресницами узких красноватых глаз. Капустин в первый раз видел рыжего швейцара: раньше на этом подъезде был его приятель, старик Фёдорыч, а теперь вон какой бравый молодец. Капустин посмотрел на швейцара и спросил:

– Фёдорыча-то, верно, уж нет?

– Какого Фёдорыча?

– Тут раньше был швейцаром.

– Не знаю никакого Фёдорыча, – холодно ответил рыжий человек и пристально посмотрел на худощавое лицо Капустина, – я вступил на место Лаврентия Николаевича; теперь он у нас старшим дворником.

Швейцар сухо закончил свою речь, посвистал и закурил папиросу.

– Тоже вот и Сергей-то Николаич раньше по этой лестнице жил... в четвёртом номере, налево...

– Присяжный поверенный Лукин живут теперь там, – прервал Капустина швейцар.

– Не знаю, кто теперь живёт. Раньше-то, говорю, Сергей Николаич Истомин жил, а теперь вон где пришлось Богу душу отдать, в 37 номере, во дворе, на грязной лестнице...

Старик немного помолчал и, вздохнув, добавил:

– Время-то прошло! Всё-то, всё тут переменялось. – Вот и Фёдорыч, мотри, тоже умер, да вот и Сергей-то Николаич...

– А ты знал его? Истомина-то?

– Лакеем у него служил, тут вот, в четвёртом номере, и жили в то время...

К подъезду подкатила пара гнедых, запряжённых в карету. Сидевший в экипаже полковник опустил раму и, высунув усатое лицо, громко спросил:

– А-а... послушай, швейцар... Квартира Истомина тут?

Полковник оттопырил указательный палец руки, затянутой в белую перчатку, и указал на подъезд.

– Никак нет, ваше-ство... во дворе, подъезд направо, на четвёртом этаже, – отвечал швейцар, обнажив голову.

Полковник вышел из кареты и, следуя за швейцаром, скрылся во дворе. Рассматривая черты лица полковника, Капустин припоминал, кто бы это мог быть? И после некоторого усилия узнал в нём знакомого своего бывшего барина, полковника Рено. «А когда-то так же как Сергей Николаич штабс-ротмистром был! А? Вот оно, времечко-то!» – снова сам с собою рассуждал Капустин.

Швейцар, проводив полковника до квартиры Истомина, возвратился и прошёл под крышу подъезда, где теперь беседовал Капустин с товарищами.

– А хороший, верно, барин-то – четвертак дал! – с усмешкой поведал швейцар.

– Ещё бы! Знаем мы его, полковник Рено... товарищ Сергея Николаевича, – вставил Капустин.

– А, верно, барин – как стать, был этот Истомин-то? – спрашивал швейцар, внимательно рассматривая Капустина.

– Второй-то этаж весь занимал, на две квартиры жил: в одной он, а в другой-то жила одна полька, Бронислава Викентьевна, певица она, – рассказывал старик.

– А-а, вот ты и смотри! Теперь-то вон где живёт: на четвёртом, во дворе! – удивлялся швейцар.

– Теперь, брат, мы его на новое жительство повезём! – вставил рыжебородый факельщик и усмехнулся.

Шутки его, однако, никто из беседовавших не поддержал.

– Как же это так вышло-то? – любопытствовал швейцар.

– Что?

– Да что он раньше-то так жил, а теперь у Надежды Ивановны... Портниха она.

И швейцар рассказал слушателям, что Истомин жил у портнихи Надежды Ивановны, намекая на интимные отношения жильца и квартирной хозяйки. Говорил он также и о том, что Сергей Николаевич эксплуатировал бедную труженицу, когда запивал, а последний год, лишившись места, окончательно уже жил на её счёт.

– Уж и не знаю, как! Лет десять или больше ничего не слышал я о барине Сергее Николаиче. Как только тогда меня рассчитали, так и уехали в провинцию... Когда богат-то был, так у всех на виду, а вот обеднел, отощал – и с глаз долой...

К дому подъехал рысак. Рыжебородый кучер осадил лошадь, и когда она разом остановилась как вкопанная, с пролётки соскочил седой господин, с приподнятым воротником пальто и в цилиндре с трауром. Сидевшая с ним рядом дама ниже опустила над собою зонтик и что-то проговорила, обращаясь к спутнику, который в это время расспрашивал подскочившего швейцара о квартире Истомина. Швейцар предупредительно провёл вновь прибывших во двор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.